

ЧЕСТВОВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ФИЛОСОФОВ ПРОДОЛЖАЮТСЯ. К.Н. ЛЮБУТИНУ – 70

В.М. Русаков

Русаков Василий Матвеевич
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой философии УрГСХА

Продолжается чествование уральских философов. По заданию альманаха «Дискурс-Пи» я направился освещать юбилей К.Н. Любутина. Классик уральской философской школы отмечал свое 70-летие. Юбиляра я застал в характерном состоянии легкой ироничной задумчивости.

Я.: Как настроение перед юбилеем?

Л.: Судя по тому, что я не раздал еще все блокноты, часы, записные книжки, папки и шариковые авторучки, доставшиеся мне на 60-летие, у меня не сложилось впечатления, что 70-летие близко...

Я.: А вообще, какое у вас отношение к юбилеям?

Л.: Как у власти к философии: польза не доказана, а вред несомненный.

И вот наступила торжественная минута, зал замер в томительной тишине, объявили: «Знамя философского факультета — внести!». Но внесли реликвию - кресло первого декана факультета, навечно закрепленное за юбиляром. Вообще, атмосфера собрания подчеркивала трепетное отношение факультета к традициям. А когда ведущий с пафосом объявил, что заседание, посвященное «воспоминаниям о К.Н.» считать открытым, все начали оглядываться (поскольку юбиляра на сцене еще не было. Впрочем, когда он там появился, многих сомнения продолжали грызть до самого окончания). Однако выступающие принялись чинно докладывать, а юбиляр, — хладнокровно кивал головой, даже когда в текстах встречались обороты типа: «мы помним вас», «ваш неоценимый вклад навсегда войдет в сокровищницу». Верный себе, он изредка комментировал и вставлял реплики.

Л.: Ну да, в жизни все не так, как на самом деле! Ректор УрГУ В.Е. Третьяков отметил понравившееся ему качество юбиляра: «Он вот уже 43 года бесплатно трудится в университете» – и зачитал приказ, в котором, вопреки повертию, все-таки было распоряжение о вручении денежной премии.

Л.: Мне нравится непоследовательность начальства, если она имеет денежное выражение.

А. Гайда, узнав о сумме, неосторожно оглашенной ректором, попал в затруднительное положение и долго не мог перевести сумму губернаторской премии в приличную валюту - в рубли? В доллары? В евро?

Л.: *(приходя на помощь любимому ученику)* А ты, Толя, в тугриках или в керенках...

Предоблдумы Н. Воронин оказался мудрее: он денежное содержание к Почетной грамоте Облдумы сразу грамотно перевел в массу сердечных чувств и горячих пожеланий абсолютно всех депутатов Облдумы. В сумме выходило, вроде, неплохо.

Л.: *(с легким разочарованием)* Хм, мне бы лучше наличными...

Но А.Гайда, тщательно просветив присутствующих относительно теперешней своей замечательно скромной, но категорически высокой должности, зачитал: «Указ губернатора! 25 февраля 2005 г.! Наградить юбиляра грамотой!»

Л.: *(облегченно)* Я уж думал — «и объявить нерабочим днем»!

В. Руденко не смог утаить от общественности его самого поразившего открытия, сделанного коллективом Института философии и права УрО РАН под его же руководством: «Товарищи! Мы все здесь с вами всегда думали, что К.Н. — автор более 200 трудов. Ничего подобного! *(тут публика нервно задвигалась, а юбиляр напрягся)*. Оказывается точное число их - примерно 359! Или 360. А сегодня будет 361». Он посмотрел на А. Чупрова, который достал какую-то книжку: «Похоже, 362».

Л.: *(заинтересованно)* Ух ты! Надо будет почитать на досуге...

Коллектив Института философии заострил внимание общественности на историческом факте — известный философ Лю Бутин (в миру - К.Н. Любутин) избран Председателем уральско-китайского общества им. Конфуция, и в ознаменование сего на юбиляра был водружен китайский халат с драконами справедливости и счастья. Халат Председателя был не прост: как единство Инь и Ян, его можно было носить черной стороной, а вывернув наизнанку, - красной.

Л.: *(деловито)* Надо поздравить китайцев: теперь нас на 148 млн. больше!

А. Перцев говорит о роли юбиляра в подготовке таких философских кадров, как М. Логиновских, который стал бизнесменом, и в обуви которого теперь ходит вся Свердловская область.

Л.: *(насторожившись)* Что, всех обул, что ли?

Т. Коленова подчеркнула, что юбиляр сумел оставить «глубокий след на заснеженных улицах далекого Ноябрьска»... или Мартябрьска...

Л.: *(с досадой)* Вот черт! Все-таки наследил, *(тихонько напевая себе)* На пыльных тропинках, далеких планет...

Кафедра социальной философии, осмысливая значение юбилея в жизни юбиляра, с завистью отметила «Теперь Вас, К.Н., ничто не отвлекает и Вы можете заняться творчеством!»

Л.: *(покивал)* Да, раньше я тщательно избегал соблазнов, теперь они сами меня избегают! И вообще, я сделался целомудрен, как поздний Лев Наумович Коган!

Политологический и социологический факультет, видимо, на основании глубоких социологических исследований, а также сославшись на «мнения старших номенклатурных товарищей», констатировал: «Есть страшно умные люди, есть очень умные и есть ну...просто умные...»

Л.: *(раздумчиво)* Да, и впрямь замечаешь, что с годами старых дураков становится все меньше, остаются одни молодые.

Кафедра истории и философии религии заготовила «рояль в кустах», точнее - презент урояля в цветочных кустах на сцене и напомнила собравшимся, что когда юбиляр был секретарем партбюро факультета— «Мы много от него получили!».

Л.: *(прищурившись)* Да, уж! — видимо вспомнив кое-что из этого многого.

В. Жукоцкий, произнося свой поздравительный спич, несколько раз с жарким чувством воскликнул: «Хочу к Любутину!»

Л.: *(подозрительно покосившись)* Я всегда верил в правильную ориентацию Володи!

Но он, конечно, ослышался.

Однако В. Жукоцкий не унимался и открыл аудитории малоизвестную способность юбиляра, сказав, что он «Хорошо знает, как отлить... э... мысль!»

Л.: *(озадаченно)* Володя, С. Моэм учит - или держи паузу, сколько можешь, или не держи ее совсем. Тогда, как учит нас В. Черномырдин, держи в руках что-нибудь другое.

Однако апофигея публика достигла, когда В. Жукоцкий вдруг возгласил, простирая руку к юбиляру: «Поднимите мне веки! Поднимите!»

Л.: *(по-марксистски сплевывая через левое плечо)* Свят-свят! Эк его, болезного...

Д. Бугров, декан исторического факультета, как настоящий историк, открыл всем глаза, что в незапамятные времена — «Давным-давно... В одной далекой галактике... (простите, это не отсюда - авт.). В одном университете от исторического факультета отделился философский» — и вдруг, вырвалось,

поделился горечью несбывшегося: «помню, в то время не было слаще для историка, как хоть в чем-то обойти философа».

Л.: *(довольно)* Ясное дело, самые сладкие плоды - недоступные...

Но Д. Бугров не все сказал и в этой располагающей душевной атмосфере поделился своей болью: «Тут, к сожалению, много говорилось, о том, что сделали отдельные, подготовленные не без участия юбиляра, философы для истории современной России... Теперь вот нам, историкам, приходится объяснять все это простым людямя. Или людямя?»

Л.: *(участливо)* Видно, что об людямя все время думаете...

Кафедра эстетики игриво напомнила юбиляру, что «Наши кафедры через коридор смотрят прямо друг на друга так. Немножко наискосок так».

Л.: *(тоже игриво)* Ага, косенько так смотрят?

Тут бородатый мужик, назвавшийся представителем «северных философских народов» - это и впрямь оказался Р. Бурханов, — начал затаскивать на сцену нечто напоминающее не то урну для голосования, не то...

Л.: *(озадаченно)* Бойся нанайцев, дары приносящих!

Н. Савцова выразила удивление: «Купили мы тут как-то камень. А потом подумали: а не вручить ли его юбиляру? И будет этот камень стоять... где-нибудь, у философа. И тут нас осенило: Ба! Да это же философский камень!».

Л.: *(в сторону, по секрету)* Я их принимаю, чтоб они их за пазухой не держали.

Н. Бряник с профессиональным восторгом туроператора, описывающего Багамские острова жителям ст. Мурзинка, напомнила о том, что юбиляр родился в с. Папулиха Вятской губернии и даже долго потом жил там, в деревне. «Вот и Хайдеггер, — добавила она, — тоже любил жить в деревне!»

Л.: *(мечтательно)* Да, хорошо иметь домик в

деревне. В Швейцарской.

Л. Закс не смог умолчать и сказал юбиляру: «Вначале я думал, что Ваш юмор распространяется только на источники истории философии, но потом я заметил, что он распространяется и на других...».

Л.: ???

Л. Закс: Эй-эй!! Что это Вы на меня-то смотрите?— но потом он успокоился, стал откровеннее и спросил: «Я вот с тех пор все думаю — пахнет ли роза, если ее никто не нюхает? А если у меня нос от насморка заложило? Снимите, К.Н., с нас непосильное бремя размышлений!»

Л.: *(соболезнуя)* Так я же давно говорю - лечиться надо. Все болезни от головы.

Сильное потрясение испытали присутствующие, когда Ю. Саранчин огласил: «Документ для служебного пользования. Перед прочтением - сжечь! Секретный приказ по УВД г. Екатеринбурга о присвоении К.Н. Любутину - доктору, профессору, философу и прочая... — секретного звания «генерал» с вручением (под роспись!) соответствующих атрибутов». Мы и раньше о чем-то таком догадывались, но увиденное глубоко взволновало. Под неслышную дробь барабанов юбиляру надели генеральскую фуражку, плащ-накидку (!); все прочие причиндалы - в скатку. После чего всех присутствующих настоятельно попросили дать расписку о неразглашении.

Л.: *(с легкой грустью)* А волшебную милицейскую палочку все же не дали...

Первокурсники после первой сессии, как и положено несмышленишам, доверительно открыли, что «Звиревич — совсем не зверь». Но тут в открытую ими схему вкралось противоречие: «А Любутин - совсем не... Лю? А Орлов — не? А Перцев — не?». Это могло плохо кончиться. Однако они тут же применили прием диссертанта, объясняющего кто такой Деррида: «А, в общем, Любутин — классный чувак!». А потом, как обычно на экзамене, прибегли

к риторическим аргументам и решили надавить на жалость, обратившись к юбиляру: «Мы, в сущности, хорошие, белые и пушистые, мы еще маленькие. А Вы - такой большой и добрый, таким и оставайтесь»

Л.: *(строго и озадаченно)* Кто же это пьет кровь невинных философских младенцев? *(вслух)* Ага, с вами будешь добрым, как же.

Представитель степных «русскоговорящих философских народов» (забыл спросить про письменность их) отметила занимательный факт, вскрывшийся при пересечении границы: оказалось — у россиян паспорта красного цвета, а у них — все, как один, — голубые». К чему бы это?

Л.: *(с опаской)* Неужели сейчас такой же вручит?

Но, к счастью, все неумолимо шло по регламенту: ведущий Ю. Ершов провозгласил, что «уже виден, виден хвост последней колонны поздравляющих, которые втягиваются в зал» и А. Перцев подвел краткий итог торжественной части. Зорко заметив, что «от нас безвременно ушел первым поздравивший юбиляра предобдумыв Н. Воронин», но, к счастью, в строю остаются «старшие номенклатурные товарищи», он подчеркнул в итоге, что К.Н. сегодня вручили столько сов — символов философской премудрости, что даже если он вдруг с гегелевским кликом — «Сова Минервы вылетает в полночь!» — примется выбрасывать их в окно, то до следующего юбилея их однако должно хватить. После этого он вежливо предоставил последнее слово юбиляру, от которого тот благоразумно уклонился, заявив, что он и так в принципе все узнал — что будет сказано на его похоронах. Таким образом проэкзаменовав своих коллег, классик уральской философии, напевая гимн собственного изобретения «Мы рождены пройти путем познания», вышел в народ и снова сделался как обычно близок ему и доступен.

На этой оптимистической ноте уральские мыслители (тоже мурлыча под нос что-то вроде «Все выше, и ширше, и глыбше...») — дружно перешли к водным процедурам, где Б. Емельянов в порыве добротолубия вручил юбиляру подозрительную бутылку с китайским зельем и в еще большем порыве откровенности пустился в рискованные объяснения его необыкновенных достоинств для решения старой философской дилеммы, неоднократно отмечавшейся юбиляром, — дилеммы «арбуза и хвостика».

Л.: *(деловито убирая бутылку и резюмируя)* Научно. Постиг: кроме пользы — никакого вреда!

Юбилей родоначальника уральской философской школы, доктора философских наук, профессора К.Н. Любутина. Февраль 2005